

Вопросы к докладчику и ответы

А.И. Неклесса

Позвольте мне совершить интервенцию в ход семинара. Докладчик затронул весьма актуальную и, одновременно, болезненную проблему современности. Болезненную также и для России. Национальное государство как социально-политическая форма организации народов прошла определенный исторический путь или, как прозвучало в докладе, «прошла через немецкую, итальянскую политическую теорию»... Но немецкая и итальянская политические теории солидаризма — это корпоративизм. Простой перевод слова «солидаризм» на итальянский язык — это «фашизм». Мы знаем и русскую версию — идеологию ячеек Народно-трудового союза.

Что я хочу сказать? Солидаризм — это не просто солидарность (скажем, солидарность населения), но более сложное явление, включающее солидаризм институциональный: государства, бизнеса, профсоюзов, опровергающий демократию в пользу социальной инженерии — своеобразного номенклатурно-партийного выражения олигархизма в эпоху «революции масс». В различных модификациях эта формула социальной и политической организации присутствовала в XX в. в различных странах и на разных континентах.

Что же касается креативного класса, то здесь также можно уловить претензию на новую формулу олигархического господства. Солидаризм в этих формах резко разнится с другой формой солидарности — той, которую излагал Прудон, когда говорил о «свободной ассоциации». Очевидно, что это весьма разные концепции. Если в одном случае речь идет об уничтожении государства как средства господства, замене его свободными ассоциациями, то в другом — о союзе государства с амбициозными и влиятельными группами (напо-

добие корпоративной государственности). Другими словами, мы наблюдаем формирование неокорпоративизма в виде государства-корпорации, где демократическая социальная структура обращается в своеобразную пирамиду, и отношение к народу оказывается сродни отношению руководства корпорации к ее сотрудникам.

Прошу прощение за эту интервенцию, но хотелось бы сразу обозначить некие «болевые точки» темы солидарности в ипостаси солидаризма.

А теперь, переходим к вопросам.

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

Огромное спасибо за Ваш доклад. Не льщу себя надеждой понять его, потому что после Вашего доклада я стал понимать еще меньше, а после выступления А.И. Неклессы это ощущение только усилилось.

У меня совсем простые вопросы. Первое. Вы исходили из того, что индивидуальная мобильность в современном мире стала значительно больше, чем раньше. На мой взгляд, все ровно наоборот: каждый человек стал прозрачен. Когда у вас включен мобильник, ваши координаты известны с точностью до полуметра. О многом могут сказать ЖЖ в Интернете и т. п. Что же Вы имеете в виду?

Ответ (А.Н. Окара):

Разумеется, современное общество можно, во-первых, зомбировать при помощи телевизора, СМИ, Интернета и прочих информационных каналов, и осуществлять это с большей успешностью, чем в прежние эпохи. И, во-вторых, электронные устройства делают прозрачной и, стало быть, уязвимой жизнь любого человека — как мы помним, Джохара Дудаева убили, ориентируясь на сигнал его спутникового телефона. Все, нет места на Земле, где можно укрыться и отсидеться. И еще непонятно, к каким последствиям может

привести распространение популярной нынче технологии «электронного правительства».

Но я говорю совсем об ином: сейчас у человека реально увеличилось пространство личного жизненного выбора — каждый сам может выбирать и моделировать именно ту жизнь, которую он хочет. При советской власти человек после школы шел на «завод» (или, в случае ИТР, сначала в институт, а затем уже — на «завод»), потом — на пенсию, еще позже — на кладбище. Здесь «завод» — понятие условное. Речь идет о «заводе» как о большой социальной корпорации, в которой очень жестко регламентировался и труд, и отдых, и весь набор жизненных возможностей. При этом государство и «завод» обеспечивали вполне реальный и примерно одинаковый для всех уровень социальных гарантий. Ну, а если ты не работаешь — могли привлечь и даже посадить за тунеядство.

Это ни плохо и ни хорошо, это характерно для патерналистского государства индустриальной эпохи. Но в таком государстве бремя выбора с самого человека по возможности снимается. Теперь же это бремя выбора возлагается на каждого из нас: мы стали минимально зависеть от государства, начиная с выбора страны проживания. В этом некоторым образом тоже проявляется наша субъектность и самодостаточность как возможность по своему усмотрению строить свою судьбу. Правда, если при советской власти необходимо было отстаивать свое право на свое же жизненное время (и даже право на тунеядство), то теперь, при нынешнем уровне безработицы и деиндустриализации возникает вполне реальная проблема найти работу.

Г.Г. Малинецкий:

Второй вопрос. Я буду следовать логике С.С. Сулакшина. Солидаризм является технологией построения «хорошего» общества. Я бы хотел, чтобы Вы дали определение каждого слова: что такое «солидаризм»? Что такое «технология»? Что такое «хорошее общество»?

А.Н. Окара:

Солидаризм — социальный порядок, основанный на солидарности участников общественных отношений. Можно рассматривать солидаризм как: 1) политическую идеологию, 2) политическую философию, 3) политэкономическую теорию, 4) философию права.

Генрих Пеш (начало XX в.) определил солидаризм (от франц. *solidarite* — общность интересов, единодушие) как «социальную систему, которая придает подлинное значение солидарному объединению людей, таких как члены природного сообщества, начиная от семьи и кончая государством». Другими словами, речь о социальной системе, которая по своей гармоничности напоминает живой организм.

Я бы определил солидаризм как социальную систему, в которой члены общества (граждане, семьи, этносы, этнокультурные группы, религиозные конфессии, социальные группы, политические партии, бизнес-корпорации и проч.) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права и интересы могут быть консолидированы и солидаризированы — в том числе, и с интересами государства. Солидаризм отвергает как либеральный индивидуализм, так и тоталистский эгалитаризм, стремясь породить собственную онтологию и антропологию.

«Хорошее общество» в американской социологии — к примеру, в книге Джона Гэлберта «The Good Society» (1996) — это эффективное современное общество, в котором согласованы различные интересы, нет пропасти между различными классами и социальными группами и где просто можно жить и считать себя счастливым в социальном отношении человеком. Но это именно реальное, реализуемое, достижимое хорошее общество, а не утопическое и недостижимое идеальное.

Технология — это приемы, модели, действия, определенная последовательность и дозированность которых дает возможность достичь требуемого результата безотносительно к личности субъекта. Результат получается как бы сам собой.

Скажем, есть технология промышленного изготовления колбасы. И не надо быть хорошим поваром, чтобы ее разработать, необязательно экспериментировать с мясом и перцем: все уже давно придумали и описали без нас. Надо только придерживаться описанной технологии и не заменять мясо соей. И так во всем — вплоть до политических, гуманитарных и когнитивных технологий. Не всегда технологии срабатывают — тогда необходимо «ручное управление», т. е. индивидуальный подход. Но многие социальные процессы достаточно технологизированы — например, говоря о солидарности, необходимо вспомнить профсоюзные движения.

По поводу построения солидарного государства и общества: лично я имею представление о том, какова должна быть логика их построения, что и как надо делать для того, чтобы были не просто словеса, а реально работающие проекты.

Г.Г. Малинецкий:

Это что, долго? Или невозможно? Что надо делать? Это не прозвучало.

А.Н. Окара:

Если говорить о внедрении самой солидарной социальной модели, то это может быть сложный и многоуровневый переговорный процесс между заинтересованными инициативными группами — представителями того самого креативного класса, о котором я говорил, и властью, т. е. административными элитами и даже Кремлем. Опора на носителей верховной власти необходима (точнее, необходимы гарантии от них — чтобы разнообразные «охранители» и борцы с «политическим экстремизмом» не свернули проекту голову еще до старта).

Необходимо создать общественное движение (лучше, конечно, создать политическую партию, но в наших условиях это нереально), которое провозглашает себя выразителем воли амбициозных классов, нацеленных на инновационную

модернизацию России, и является площадкой согласования, консолидации и лоббирования их интересов. Ну, и главными программными идеями такого движения могут стать солидаризм и инновационная модернизация.

Вопрос (А.В. Шубин):

Прежде чем задать свои вопросы, я хотел бы частично не согласиться с А.И. Неклессой. В докладе было изложено очень много благих пожеланий, полностью соответствующих и прудонизму, и социал-демократии. Свобода и солидарность — просто постулаты анархизма и близких к нему течений социализма, таких как прудонизм и народничество.

Первый мой вопрос. Чем изложенное качественно отличается от социализма, от социал-демократии, которая себя презентует как место согласования интересов амбициозных классов? Что же солидаризм, в понимании докладчика, унаследовал от полуфашистского солидаризма, который мы знаем исторически? Это НТС, Ильин и др.? Почему это нужно называть солидаризмом?

Второй вопрос примыкает к тому, о чем спрашивал Г.Г. Малинецкий. Вы остановились на самом интересном месте — технологии. От того, что кто-то поговорит с Президентом, новое общество возникнуть не может. Социализм, который Вы, видимо, считаете утопией, или какие-то другие концепции как-то реализовывали свой проект, к чему-то пришли. Здесь полностью отсутствует именно механизм реализации — как дойти из пункта А в пункт Б?

И последний вопрос: а как поступать с теми, кто не проявит добровольную лояльность? Солидаристы знали ответ на этот вопрос, но докладчик отрицает их методы. Мне показалось, что вначале речь шла о солидарности всех, а затем о солидарности избранных, креативного класса, под которым понимается даже не вся интеллигенция. Это тяготеет к олигархии. Хотелось бы понять: солидарность всех или нет? От этого будет зависеть отношение к самой концепции.

И совсем уже последний вопрос, который был спровоцирован апелляцией к советскому обществу как альтернативе этой системы. Как приведенный путь — школа, институт, фабрика, пенсия, могила — будет выглядеть в будущем обществе?

Ответ (А.Н. Окара):

Действительно, на первый взгляд между солидаризмом и социал-демократией много общего. Считается даже, что слова «солидаризм» и «социализм» ввел в широкий оборот один человек — философ-утопист и сен-симонист Пьер Леру.

Солидаризм как таковой отличается от социал-демократии как таковой (т. е. речь идет о неких усредненных и наиболее репрезентативных вариантах каждой из этих двух идеологий) тем, что, во-первых, солидаризм выступает за примирение интересов работодателя и работника, за взаимные уступки сторон, против классовой и сословной вражды, тогда как социал-демократия — исключительно на стороне работника и за развитие классового конфликта. Во-вторых, именно поэтому солидаризм в идеале — это эволюционный путь развития, тогда как социалисты и социал-демократы изначально выступали за социально-политическую революцию. В-третьих, идеолог НТС Сергей Левицкий также отмечает, что солидаризм имеет религиозные корни и является социальной проекцией христианского мировоззрения (поэтому сегодня он продолжается в христианско-демократических партиях Европы), тогда как социализм и социал-демократия изначально развивались как антирелигиозные учения. В-четвертых, социал-демократы изначально также проповедовали коллективизм и альтруизм (либералы — индивидуализм и эгоизм), тогда как солидаристы говорили о гармонии частного и общественного. В-пятых, идеология солидаризма свободна от духа принуждения, который господствует в социализме и в меньших дозах присутствует в социал-демократии. Повторяю, это общие тенденции двух идеологий. Мне кажется,

что солидаризм и социал-демократию гораздо больше чего объединяет, чем разъединяет. Особенно в части, конечно же, левого социально-экономического мировоззрения.

Теперь о фашизме и солидаризме. Тот вид интеграции, который Дюркгейм называл механическим солидаризмом, т. е. консолидация людей на основании общей для всех идентичности, а не по принципу собственной уникальной индивидуальности, — это и есть основа любого тоталитаризма либо авторитаризма, в том числе, фашизма.

Но лично я не рассматривал бы политическую практику итальянского фашизма и германского национал-социализма в качестве примера даже механического солидаризма. Хотя, конечно, режимы Муссолини, Гитлера, Франко брали на вооружение определенные идеи солидаристов. И именно этим объясняется негативный образ солидаризма, поскольку его часто связывают прежде всего с этими режимами. Но сами теоретики солидаризма отмечали, что это к солидаристским теориям не имеет отношения.

Однако сегодня уместно говорить о неосолидаризме — об органическом солидаризме по Дюркгейму. И с этой точки зрения для нашей темы по большому счету неактуально ни наследие фашистской Италии, ни методы, которые пропагандировал НТС. Они являются не главными, а маргинальными предшественниками и источниками современных солидаристских концепций, идей и мировоззрений.

И последнее — о том, как жизненный путь среднестатистического человека (школа — институт — фабрика — пенсия — могила) может выглядеть в будущем обществе. Надеюсь, что все названные этапы жизненного пути сохранятся. То есть среднее образование останется всеобщим, качественное высшее (а не торговля дипломами) — массовым, научная карьера — востребованной, и государство не откажется от пенсионных обязательств — как это сделал в свое время Туркменбаши. Но увеличится реальный выбор: в какой стране жить, в какие институты поступать, сколько иметь высших образова-

ний, где работать, на каких условиях и чем заниматься, быть ли наемным работником или бизнесменом-работодателем и вообще — работать или не работать, какого типа получать пенсию и проч., и проч. Хорошо это или плохо, будет ли подобное расширение возможностей при уменьшении гарантий со стороны государства содействовать общественному развитию — пусть каждый решает сам. Мне — человеку, окончившему университет уже после распада СССР, — кажется, что это хорошо и что будет содействовать развитию.

Что делать с теми, кто не солидарен? В тоталитарном обществе вопрос решался просто: несолидарные — предатели, их к стенке или в ГУЛАГ / Освенцим. Сейчас, в нынешнем обществе, по отношению к которому можно говорить о повышении индивидуальной субъектности, к гражданам, которые не вовлечены в, условно говоря, общественный договор, никаких мер принуждения не может и не должно быть применено. Те, кому неинтересно «общее дело» или же оно не кажется им привлекательным с точки зрения развития собственной биографии, могут существовать просто как граждане, никак не вовлеченные в социальную креативную деятельность. Главное, чтобы социальные институты, система социальных гарантий и вся политическая система были выстроены в соответствии с солидаристскими принципами.

Вопрос (А.В. Бузгалин):

Я с удовольствием ознакомился с докладом. Название, правда, меня несколько отпугнуло, а текст, скорее, приворожил. Его пафос — противопоставление государства и солидарности — показался мне достаточно позитивным. В этой связи у меня есть несколько уточняющих вопросов. Не кажется ли Вам, что Вы выступаете в качестве критика большинства авторов, пишущих о специфике российской цивилизации? Они как раз соединяют эти два параметра.

Второй вопрос. Сознательно или нет, но Вы ушли от социалистической, в частности, марксистской методологии,

аксиоматики при решении проблемы солидарности. Вы отвечали на похожий вопрос, но я не до конца понял Ваш ответ. И еще, считаете ли Вы, что российскому социуму, т. е. большинству его членов, на многих этапах его развития действительно присущи какие-либо из тех черт, которые приписываются как реальные российской цивилизации, — соборность, особый тип коллективизма и т. д.? Или это идеальная конструкция?

Ответ (А.Н. Окара):

Мне представляется, что главная составляющая уникальности российского исторического пути заключается в ощущении собственной исключительной исторической миссии перед лицом Вечности.

А тотальная роль государства в социальной жизни, моноцентризм власти, отсутствие гражданского общества и отношение к человеку не как к цели развития, а как к средству — нередко просто как к расходному материалу — это не уникальность, а негатив, уменьшающий креативные способности нашего народа и от этого необходимо по возможности избавляться. Амбициозные классы и личности с точки зрения подобной организации власти чаще всего рассматриваются как опасные конкуренты, в лучшем случае — как «лишние люди», обладающие «свободной социальной валентностью» и способные в критический для власти момент объединиться против нее.

По поводу марксистского дискурса при рассмотрении вопроса о социальной солидарности. Мне кажется, это отдельная достаточно интересная и обширная тема. Возможно, ограниченность марксистской методологии в данном случае заключается в экономическом детерминизме и в жесткой привязке ее аппарата к реалиям индустриального общества.

Теперь о соборности. Я предпочитаю говорить не о российской, а о восточнохристианской цивилизации — это более корректно и точно по отношению к самому понятию ци-

визации. Так вот, соборность — это не синоним «широкой славянской души», коллективизма или колхоза. В понимании Хомякова соборность — это представление о Церкви как об органическом единстве всех ее членов, позволяющем надеяться на коллективное Спасение. Но представление именно о Церкви, а не об обществе. Думаю, что хомяковскую соборность можно сравнить с механической солидарностью. Но не с органической. Возможно, поэтому солидарность можно считать социальной проекцией соборности. Но именно проекцией, а не прямым воплощением. Неуместно также говорить о соборности как о коллективизме восточнославянских народов, как то любит делать, скажем, Александр Дугин. Современный российский социум атомизирован до такой степени, что впору говорить не об общинности и коллективизме, а о каком-то патологическом антиколлективизме и паразитическом индивидуализме.

Вопрос (Е.Г. Пономарева):

Нельзя ли еще раз определить понятие «хорошего общества» в каких-то четких параметрах? Допустим, относительного прожиточного минимума, политических прав, которыми пользуются люди, и т. д. Это первый вопрос.

Второй вопрос касается следующего: не кажется ли Вам, что солидаризм и креативность — это понятия совершенно разные? Креативные люди не могут быть солидарны, потому что это настолько нетипичные субъекты, настолько они индивидуалистичны в предлагаемых идеях и способах достижения цели, что это приводит к тому, что рассматриваемые понятия оказываются совершенно расходящимися. Креативный класс, как Вы предполагаете, становится единственным руководящим центром, направляющим развитие всего общества.

И последний вопрос. Вы говорили, что специфические русские черты — соборность, общинность и т. п. — это, с одной стороны, препятствие для солидаризма, а с другой —

строительный материал этой концепции или, даже можно сказать, идеологии. Все-таки, что это — препятствие или наоборот?

Ответ (А.Н. Окара):

Под «хорошим обществом» предлагается понимать общество, которое не стремится к идеальности, которое не тоталитарно, не требует классового или иного насилия и в котором не предполагается воплощать социальные идеократические утопии. Подобное общество, с точки зрения теоретиков «идеального общества», несовершенно, зато оно основано не на антагонизме и насилии, а на согласовании интересов. Необязательно, что такое общество основано на социальной солидарности, но вполне вероятно.

Теперь о солидарности и креативности. Действительно, если собрать двух-трех творческих людей и предложить им что-то совместно создать, это будет непростая задача — каждый из них сам себе субъект, автор, демиург, творец, режиссер. Речь не о том, чтобы креативных людей заставить шагать в одном строю, а о том, что необходимо создавать механизмы и институты консолидации их социальных интересов и интересов государства. В современном мире конкурентоспособность страны обеспечивают прежде всего человеческий капитал и креативный ресурс. Иначе говоря, речь вовсе не о том, чтобы из великих певцов создать хор, а о том, чтобы эти певцы, условно говоря, состояли в одном профсоюзе, который отстаивал бы их интересы перед руководством театра. И это, в свою очередь, способствовало бы развитию популярности — и самого театра, и оперы как жанра.

Теперь еще раз об общинности и соборности. Думаю, что экзистенциальный опыт православной соборности теоретически мог бы стать эффективным условием для развития солидарных отношений в условиях российского общества. Проблема лишь с самой соборностью в условиях пострелигиозного общества. С общинностью, если под ней понимать

опыт крестьянской общины и советского колхоза, — сложнее. Думаю, моделью солидарного сообщества является не крестьянская община и не колхоз, а артель. В советский колхоз, как и в дореволюционную общину, попадаешь по факту рождения, а артель — это добровольное объединение людей, имеющих общие цели и общий интерес. Отсюда также круговая порука, солидарная форма ответственности и участие в общих доходах.

Увы, Российское государство относится к людям как к расходному материалу. Это особенность нашей политической культуры. И это — тормоз для развития солидарности между государством и обществом. Но, с другой стороны, это неплохой стимул для развития внутригрупповых видов солидарности и самоорганизации.

Государство максимально десубъективизирует, т. е. лишает субъектности, реальных или потенциальных субъектов, а потом оказывается, что получившаяся серая социальная масса вообще не способна никак взаимодействовать с государством.

Вопрос (Б.В. Межуев):

Первый вопрос: в чем смысл использования явно нелиберального термина «солидаризм»? Этот термин имеет определенный шлейф ассоциаций с НТС, с фашизмом и т. д. Зачем использовать этот термин, понимая под ним проведение таких идей, под которыми не всякий либерал подпишется, когда креативный класс должен объединиться и заявить государству о своих правах. На мой взгляд, это какой-то либерал-индивидуализм какой-то. Возникает явный когнитивный диссонанс, который в большей степени и является источником недоразумений.

Второе. Если это все же так, то почему не социал-демократия? Почему не гуманизаризм? Это абсолютно законный термин для сочетания каких-то либеральных приоритетов с социальной интеграцией.

Третий вопрос: предполагается только одна солидарность — этих креативных особей между собой — или же речь идет о солидарности этих креативных особей с большей частью населения? Тут происходит какая-то явная подмена. Если речь идет о последнем, то можно ли действительно обойтись без принуждения? Вообще говоря, креативных особей надо принуждать к солидарности с некреативными особями. Как тогда быть? В этом случае элемент насилия куда-то исчезает, а он, на мой взгляд, все-таки должен иметь место.

Ответ (А.Н. Окара):

Я думаю, что с точки зрения политтехнологий и продвижения брендов термин «солидаризм» и соответствующий концепт вполне эффективны и не имеют жесткой привязки к истории европейского фашизма. Почему Муссолини? Почему не Дюркгейм? Почему не представление о том, что капиталист должен делиться прибылью с наемными работниками (а не только зарплату им платить)? Это тоже солидаризм, и никакой связи у этих идей конца XIX в. с фашизмом нет. Мне кажется, «солидаризм» и «солидарность» и в русском, и в английском, и в других европейских языках имеют хорошую энергетику и положительные коннотации. Мне кажется, что в современном словоупотреблении «солидаризм» и «солидарность» несут на себе представление о субъектности и самодостаточности солидаризируемых элементов. Поэтому в смысловом контексте солидарность связана с синергетическим эффектом, с сотворчеством, с ситуациями, в которых выигрывают все, пусть и в разной степени.

В современном обществе эта субъектность (или несубъектность) не является раз и навсегда предопределенной социальным образом — она предопределяется на индивидуальном уровне, поэтому каждый человек может сам определять меру своей социальной субъектности. Разумеется, в солидарном государстве насилие никуда не исчезает, не исчезает

и государственный аппарат. Просто государство исходит из совсем иной заданности: оно должно стать субъектом социального развития, а не просто механизмом социального насилия либо корпорацией по экспорту углеводов.

Как мне представляется, солидарность креативных людей — это вовсе не то же самое, что солидарность богатых или сильных. Креативность — это такой неотчуждаемый и при этом общераспространенный ресурс. Поэтому в результате консолидации креативного класса не создается никакого закрытого элитистского сообщества, в которое нет входа чужим. Вот почему применительно к креативному классу можно говорить о его ядре, полупериферии и периферии. И в зависимости от этого можно по-разному оценивать его долю в населении.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Говоря об уровне солидарности, Вы отмечаете солидарность работников и работодателей, классовую солидарность. А какие вообще для этого основания? Какие основания в условиях существования бедных и богатых, имеющих и не имеющих ресурсы, чтобы бедные полюбили богатых?

И второй вопрос. Вы используете понятие «креативный класс». А какие еще классы существуют? Каков Ваш принцип образования классов?

Ответ (А.Н. Окара):

Заставить быть солидарными работодателей и работников, т. е. заставить первых делиться прибылью со вторыми, а также заставить их создать приемлемые условия труда и эффективные социальные гарантии для вторых — вполне реально: при помощи определенной налоговой политики, при помощи политики в области бюджетирования, при помощи лоббистских технологий и т. п. Для этого есть технология лоббизма и решения этой проблемы — например, путем принятия определенных нормативных актов. Главная со-

ставляющая успеха — наличие мотивированного эффективного субъекта. Когда этих субъектов нет, то, соответственно, государство творит произвол со своими гражданами, а богатые работодатели учиняют то же самое по отношению к бедным — своим работникам.

Но, подчеркиваю, когда государство заставляет богатых работодателей делиться своей прибылью с бедными, — это никакая не патерналистская схема! Патерналистское государство, наоборот, хочет само делиться с бедными — путем перераспределения ресурсов. Например, оно говорит бедным: мол, мы вам немного увеличим пенсию, а вы должны за это нас больше любить. Но когда государством создаются условия, чтобы работодателю было выгодно делиться прибылью или повышать зарплату, — это как раз и есть один из принципов солидарного государства.

Теперь о классах. Существует несколько стратификационных принципов — принципов деления общества на классы. Например, по статусу в социальной или социально-экономической иерархии. Есть марксистско-ленинское понимание классов — по их отношению к средствам производства. Есть веберовское — по оценке жизненных шансов. В любом случае выделяются высшие, средние и низшие классы. В моем понимании, креативный класс — это люди, которые прежде всего являются субъектами социальной динамики, субъектами развития, точками роста. Его представители могут занимать и средние, и высшие ступени социальной иерархии. При этом, как мне видится, у них не возникает классовой напряженности с представителями более низких классов.

Думаю, что креативный класс уместно противопоставлять так называемому среднему классу, поскольку средний класс стратифицируется на основе социально-имущественного статуса — это прежде всего люди с определенным уровнем доходов, т. е. потребители, а не творцы. Солидарность креативного класса крайне важна для национального развития,

поскольку в условиях когнитивно-информационного общества именно эти люди создают конкурентные преимущества государства и общества в глобальном контексте.

И тут важно обозначить несколько далеко идущих перспектив.

Во-первых, в современной России потенциальный креативный класс только складывается, поэтому его можно рассматривать, в том числе, и как поколенческую идентичность. Старшее поколение, бывшее «мейнстримовым» в середине — второй половине 1990-х, утратило социальную энергетiku. Объективно оно уже не способно быть субъектом развития — его представители генерируют дискурс нового застоя. Нынешнее поколение «мейнстрима» может обрести свою субъектность именно на основе идентичности креативного класса.

Во-вторых, консолидация креативного класса неизменно создаст ситуацию, в которой он осознает себя главным выгодоприобретателем от модернизации, поэтому господствующую административную элиту будет воспринимать как вредного и опасного конкурента. То есть вероятно вполне классовая по сути конфликта и политическая по средствам борьба за власть. Ну, а креативный класс, объединив контрэлиту, вполне может превратиться в нового классового гегемона.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня вопрос как у представителя естественных наук. Известно, что каждая развивающаяся система проходит ряд стадий, ряд фаз — фазу развития, фазу стабильности и переходные фазы. Предлагаемая Вами структура государства рассчитана на все времена и народы или на какую-то фазу? На мой взгляд, учитывать динамику фазового развития было бы весьма полезно. Кроме того, неплохо было бы определить, для какой страны предлагается такая модель и в какой фазе находится эта страна.

Ответ (А.Н. Окара):

Разрешите высказать неполиткорректное суждение. Мне кажется, что органический солидаризм, основанный на синергетическом эффекте сочетания людей с разнокачественными данными, возможен прежде всего в обществах, принадлежащих к индоевропейскому ареалу, поскольку в индоевропейских культурах человек не лишается полностью своей субъектности, чего не скажешь, например, о восточноазиатских обществах, для которых характерна жесткая иерархия. Субъектность и креативность не очень-то хорошо сочетаются с жесткой иерархичностью.

Теперь насчет фазы. Первый мой тезис был о том, что у современного человека, несмотря на весь тот колоссальный цифровой тоталитаризм и информационный контроль, которые нас сейчас окружают, жизненная субъектность объективно повышается. Человек может уехать из одной страны в другую и совершенно не думать о своем социальном статусе, как это было необходимо делать при советской власти, да и в любом модернистском, индустриальном обществе. Комплекс идей, о которых я пытаюсь говорить, ориентирован в будущее, ориентирован на круг обитания наших народов и каких-то близких к ним по своим характеристикам. Я не уверен, что, скажем, в Китае или Корее можно построить полноценное солидарное, а не тоталитарное и не авторитарное государство или общество. Солидарность создает синергетический креативный эффект, следовательно, она ориентирована прежде всего на развитие. Однако заложенные в ней механизмы консолидации интересов и самоорганизации актуальны также и в условиях стабилизационной стадии существования системы.

Реальная проблема и противоречие современной России заключаются в том, что главный вызов — отсутствие развития. И власть это очень даже хорошо осознает — отсюда и большая дискуссия о модернизации. Но при этом высшими ценностями для властной элиты остаются порядок и ста-

бильность. Это, как я уже говорил, симптоматично и можно объяснить уменьшением пассионарности доминирующих элит. Поэтому весьма красноречиво выглядит тренд «консервативной модернизации», объявленный новой идеологией «Единой России», — в нем соединились осознанная необходимость развития и отсутствие у нынешних элит излишка пассионарной энергии. В общем, получается, что главный дефицитный ресурс — это волевые и креативные качества личности, т. е. именно то, в чем проявляется человеческое богоподобие.